

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 10(71) Май 2018 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ.....	3
1. ИСПОЛНЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА ЗА ЯНВАРЬ-МАРТ 2018 ГОДА: ДОЛЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ ДОХОДОВ УВЕЛИЧИЛАСЬ Т.Тищенко.....	7
2. ВНЕШНИЙ ОБОРОТ УСЛУГ В 2017 ГОДУ: ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ РОСТ А.Кнобель, А.Фиранчук.....	12
3. ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С.Цухло	17
4. ГОСПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 2017 ГОДУ: КУДА УШЛИ ДЕНЬГИ? В.Узун.....	20
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА	24

Мониторинг экономической ситуации в России

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Мау В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редакторы: Гуревич В.С., Колесников А.В.

Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 10 (71). Май / Кнобель А., Тищенко Т., Узун В., Фиранчук А., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 24 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_10-71_May.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Формирование нового кабинета министров естественным образом превалировало над собственно экономической повесткой последних дней. Фоном же по-прежнему служили рекордные с 2015 г. цены нефтяного рынка (спровоцировавшие аномальный рост цен в российской рознице, что привело новое правительство к решению понизить топливные акцизы), а также внешнеторговые переговоры между двумя крупнейшими экономиками мира.

Последние завершились обещанием китайской стороны увеличить импорт американских товаров на 200 млрд долл. в год (в ответ на обещание США не выстраивать новые тарифные заграждения перед продукцией из Китая). Эти двусторонние договоренности, если они будут соблюдаться, несомненно, затронут интересы третьих стран, чьи компании уже работают или хотят работать на китайском рынке.

Для российских поставщиков потенциально чувствительны планы США значительно увеличить присутствие в КНР своей аграрной продукции, но главное – якобы достигнутая договоренность в разы увеличить энергетический экспорт. Если для российских аграриев это, по крайней мере, не означает потерю сегодняшних позиций (Китай и так крайне неохотно пускал к себе нашу сельхозпродукцию), то в сфере энергетики, как легко догадаться, речь идет о конкуренции американского сжиженного газа, в том числе с российским. Если в Европе она по-прежнему маловероятна из-за ценовых преимуществ российского трубопроводного газа, то на азиатском рынке американский сжиженный газ будет активно конкурировать с российским, особенно по тем многомиллиардным проектам, которые еще только закладываются в северных и восточных районах РФ. Их сопоставления с американскими аналогами тут вряд ли имеют смысл: несколько сот миллионов долларов возможной выгоды от закупок российского газа китайские власти теперь будут соотносить с продажами своих товаров в США на полтриллиона долларов. Учитывая привилегии, которые Китай готов предоставить США, их сланцевый газ получит на этом рынке такие политические преимущества, которые Россия в своей энергетической, бюджетной и в целом экономической стратегии не может не учитывать.

Это актуально со многих точек зрения, в том числе по причине неснижаемой зависимости российской экономики от нефтегазовых доходов. Как следует из материала наших экспертов, посвященного исполнению федерального бюджета за I квартал этого года, доля таких доходов выросла до 45,6% (по сравнению с 41,8% за аналогичный период 2017 г.). Эти поступления в значительной степени и обеспечили рост доходов бюджета (на 0,5 п.п. относительно января-марта прошлого года). В то же время ненефтегазовые доходы, номинально выросшие на 100 млрд руб., сократились с 10,3% ВВП до 9,9% ВВП. Расходы же снизились и номинально (более чем на 150 млрд), и в долях ВВП. В итоге дефицит федерального бюджета, достигавший 0,9% ВВП в первые три месяца 2017 г., сменился профицитом в 1,8% ВВП. Правда, он обеспечен исключительно ростом фактической цены на нефть по сравнению с базовой (без учета

дополнительных нефтегазовых доходов бюджетный дефицит составил бы 1,5% ВВП).

Структура доходов федерального бюджета также говорит о зависимости от сырьевых отраслей и внешнеторговой конъюнктуры. На первом месте находятся поступления по налогу на добычу полезных ископаемых и практически столько же дает сумма поступлений от внешнеэкономической деятельности, а также НДС и акцизы на импортируемые товары. Положительный внешнеторговый баланс во многом определяет и положительный платежный баланс. Однако в структуре внешнего оборота баланс услуг (они составляют пятую часть всей внешней торговли РФ) является отрицательным.

В целом в 2017 г. внешнеторговые позиции России отчасти восстанавливались: экспорт услуг вырос на 14% (до 57,8 млрд долл.), импорт – на 19% (до 88,9 млрд долл.). Однако докризисный уровень пока не достигнут: экспорт по итогам 2017 г. составил 82% от 2013 г., импорт – 69%. Главными нашими партнерами на рынке услуг остаются страны ЕС, на них приходится 47% импорта и 39% экспорта. Доля Украины в обороте услуг сокращалась, доля Турции – возрастала.

Оценивая сформулированную в майском указе задачу по повышению к 2024 г. экспорта услуг до 100 млрд долл., эксперты отмечают, что для этого необходим его ежегодный рост в среднем на 9%. Указывая, что прошлогодний рост имел во многом восстановительный характер, они приходят к выводу, что достижение искомого темпов едва ли возможно, если исходить из равномерного увеличения экспорта во всех сферах услуг. Рассматривая его структуру, эксперты условно делят экспорт на консервативные услуги (возможный рост ниже среднего), базовые и прогрессивные (выше среднего). К консервативным отнесены финансовые и страховые услуги (рост ограничен санкциями), а также транспортные (сопряженные со значительными капиталовложениями), а к базовым и прогрессивным – телекоммуникационные услуги, плата за пользование интеллектуальной собственностью и др. Прогнозная оценка: для достижения искомого результата необходимо добиваться ежегодного роста в 9% по экспорту базовых услуг, 4–5% – консервативных и 12–15% – прогрессивных услуг.

В свою очередь, исследователи из Института Гайдара анализируют данные опросов промышленных предприятий, связанные с их предпочтениями и планами в отношении импорта техники, оборудования и материалов. Упомянув подготовленный Минпромторгом обширный список продукции, которую госкомпании не смогут закупать за рубежом без согласования с правительственной комиссией по импортозамещению, они отмечают положительную реакцию российских производителей тех товаров, которые попали в этот список. Однако и без таких административных мер российская промышленность проявляет либо вынуждена проявлять повышенный интерес к отечественным машинам и оборудованию. В пользу такого вывода, по мнению наших экспертов, говорят результаты опросов в 2011 и 2018 гг.

Несмотря на девальвацию рубля и санкции, Западная Европа сохраняла лидирующие позиции среди поставщиков машин и оборудования для российских предприятий (77% закупок в 2011 г. и 71% – в 2018 г.). Отечественные поставщики, занимая второе место, фактически не улучшили за это время своих позиций. Зато доля предприятий, закупавших

Основные тенденции и выводы

американское и японское оборудование, снизилась с 33 до 22%. Китайские же и индийские поставщики выиграли – рост с 19 до 35%. Доля поставщиков из стран СНГ упала, прежде всего, из-за сворачивания торговли с Украиной.

Однако вышеприведенные данные – о фактических закупках. Что касается предпочтений наших предприятий, то в 2018 г. уже половина из них хотела бы закупать отечественное оборудование (почти двойной рост показателя за прошедшие семь лет), а вот американские и японские поставщики понесли наибольшие потери с точки зрения желания покупателей получить их продукцию (с 40 до 27%). При этом самыми желанными остаются западноевропейские машины и оборудование (69%). А минимальные предпочтения проявляются в отношении продукции из Китая и Индии – 8% (такое же отношение и к продукции из стран СНГ), и здесь очевидна серьезная разница между тем, что наши предприятия хотели бы покупать и тем, что они реально покупают.

И, наконец, показательны данные в отношении инвестиционных планов предприятий – машины и оборудование каких стран они планировали закупать в 2011 г. и каких – собираются в ближайшие годы. Если в прошлом западноевропейская продукция занимала в этих планах уверенное первое место (72 против 50% предприятий, намеревавшихся закупать российское оборудование), то в 2018 г. показатели сравнялись – по 65% того и другого. То есть по крайней мере в количественном отношении политика инвестиционного импортозамещения имеет успех, отмечают авторы. Вдвое (до 35%) выросла доля предприятий, планирующих закупки оборудования у Китая и Индии, что является признаком перехода на более дешевое, доступное, хотя и менее качественное оборудование. Что сами предприятия прекрасно осознают: разрыв между их желаниями (предпочтениями) и планами очевиден – хотели бы покупать такое оборудование лишь 8%, а планируют – 35% (в 2011 г. это соотношение выглядело как 4 и 18%). Такого рода разрыв между предпочтениями и планами имеет место и в отношении российской продукции, только он значительно меньше.

Рост присутствия на внешних рынках и снижение зависимости от импорта аграрной продукции – в числе многих позитивных показателей, отмечаемых в Национальном докладе о реализации в 2017 г. госпрограммы развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг. Однако не все выводы этого доклада представляются экспертам обоснованными, как и не все критерии поддержки агропроизводителей достаточно прозрачными.

Они полагают, что в отраслях, где основным производителем является «деградирующий сектор личных подсобных хозяйств», выполнить индикаторы госпрограммы весьма сложно. Однако вместо серьезного критического анализа доклад ограничивается традиционными ссылками на погоду, задержку с подготовкой нормативной документации, а также сравнениями с подкорректированными показателями. Эксперты также считают полностью проваленной программу господдержки страхования от неурожая, хотя проблема существует давно. Станным выглядит анализ выполнения индикаторов госпрограммы по молоку: его производство по сравнению с 1990 г. упало почти вдвое и в последние годы стагнирует на этом низком уровне, однако целевой показатель программы оказался выполненным на 100,1%. Причина в том, что за 2017 г.

показатель был скорректирован. Плановый индикатор первоначальной госпрограммы, утвержденной в 2012 г., выполнен лишь на 88%.

В минувшем году на осуществление госпрограммы федеральный бюджет выделил почти 250 млрд руб. (использование средств, выделяемых на сельское хозяйство из региональных бюджетов, в докладе не рассматривается). Часть средств (около 15 млрд) не была использована. На поддержку малых форм агрохозяйствования было направлено около 10 млрд руб. При этом малый бизнес получил почти в 5 раз меньше субсидий по кредитам, чем в 2015 г., а его доля в таких субсидиях упала катастрофически – до 2%, т.е. в 10 раз по сравнению с установленной правительством. Объяснялось же это «непоступлением реестров потенциальных заемщиков от уполномоченных банков в Минсельхоз» и другими причинами подобного рода. При получении и кредитных субсидий, и субсидий для возмещения части инвестиций очевидна концентрация на некоторых крупных агрохолдингах. В заключение авторы оценивают как странное фактическое бездействие, когда в условиях рекордного урожая и падения цен закупочные интервенции в 2017 г. не осуществлялись, напротив, вместо помощи происходила продажа зерна из интервенционного фонда. Эти действия, отмечают эксперты, в докладе объясняют опасениями, что дальнейшее накопление резервов могло увеличить расходы федерального бюджета. ●

1. ИСПОЛНЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА ЗА ЯНВАРЬ-МАРТ 2018 ГОДА: ДОЛЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ ДОХОДОВ УВЕЛИЧИЛАСЬ

Т.Тищенко

В I квартале 2018 г. уровень доходов федерального бюджета превысил уровень аналогичного периода 2017 г. Увеличились нефтегазовые поступления при одновременном сокращении ненефтегазовых доходов. Уровень расходов снизился относительно января-марта 2017 г., что позволило обеспечить профицит федерального бюджета.

По оперативным данным Казначейства РФ, за I квартал 2018 г. доходы федерального бюджета выросли на 0,5 п.п. ВВП, или на 441,9 млрд руб. (табл. 1) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Это обусловлено ростом нефтегазовых поступлений на 341,8 млрд руб., или на 0,9 п.п. ВВП вследствие повышения цены на нефть марки Urals с 52 долл./барр. до 65 долл./барр. Нефтегазовые доходы, полученные в I квартале 2018 г., составили 33,9% от прогнозируемого годового объема.

Дополнительные нефтегазовые доходы за январь-март 2018 г., рассчитанные в соответствии с вступившими в силу бюджетными правилами как разница между фактическим поступлением и расчетным на основе базовой цены на нефть, составили 734,8 млрд руб.

Динамика ненефтегазовых доходов федерального бюджета за январь-март 2018 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года в долях ВВП отрицательная: доходы сократились с 10,3 до 9,9% ВВП при росте в номинальном выражении на 100,1 млрд руб. (кассовом исполнении – 22,7% от прогнозируемого годового объема). В результате в структуре доходов федерального бюджета произошли изменения в сторону увеличения нефтегазовой компоненты с 41,8 % за I квартал 2017 г. до 45,6 % за январь-март 2018 г.

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА ЗА ЯНВАРЬ-МАРТ
2017–2018 ГГ.

	Январь-март 2017 г.		Январь-март 2018 г.		Изменение в 2018 г. относительно 2017 г.	
	млрд руб.	% ВВП	млрд руб.	% ВВП	млрд руб.	п.п. ВВП
Доходы, в том числе:	3 633,3	17,7	4 075,2	18,2	441,9	0,5
нефтегазовые доходы	1 517,9	7,4	1 859,7	8,3	341,8	0,9
ненефтегазовые доходы	2 115,4	10,3	2 215,5	9,9	100,1	-0,4
Расходы, в том числе:	3 825,5	18,6	3 671,0	16,4	-154,5	-2,2
процентные расходы	192,6	0,9	205,2	0,9	12,6	0,0
непроцентные расходы	3 632,9	17,7	3 465,8	15,5	-167,1	-2,2
Профицит (дефицит) федерального бюджета	-192,2	-0,9	404,2	1,8	596,4	2,7
Ненефтегазовый дефицит	-1 710,1	-8,3	-1 455,5	-6,5	254,6	1,8
ВВП (в текущих ценах, млрд руб.)	20 550		22 351			

Источник: Министерство финансов, Федеральное казначейство, Росстат, расчеты автора.

Расходы федерального бюджета за I квартал 2018 г. сократились относительно января-марта предыдущего года как в номинальном выражении (на 154,5 млрд руб.), так и в долях ВВП (на 2,2 п.п. до 16,4% ВВП) за счет снижения непроцентных расходов.

Профицит федерального бюджета по итогам I квартала 2018 г. составил 1,8% ВВП против дефицита в 0,9% ВВП за аналогичный период 2017 г., одновременно сократился и нефтегазовый дефицит – с 8,3 до 6,5% ВВП. Однако без учета дополнительных нефтегазовых доходов, то есть при базовой цене на нефть, дефицит бюджета за первые три месяца текущего года составил бы 330,6 млрд руб., или 1,5% ВВП, а нефтегазовый дефицит – 2190,3 млрд руб., или 9,8% ВВП. Таким образом, профицит федерального бюджета за I квартал 2018 г. обеспечен исключительно за счет увеличения фактической цены на нефть по сравнению с базовой. Такая ситуация говорит о необходимости расширения мер по наращиванию нефтегазовых доходов.

В целом за январь-март 2018 г. налоговые доходы (табл. 2) выросли на 0,7 п.п. ВВП, или на 458,2 млрд руб. относительно I квартала предыдущего года. Наибольший рост поступлений отмечается по НДС – на 0,7 п.п. ВВП. По внутреннему и импортному НДС также увеличились доходы относительно I квартала 2017 г. соответственно на 0,1 и 0,2 п.п. ВВП. Доходы по налогу на прибыль также выросли на 0,2 п.п. ВВП. Поступления доходов от внешнеэкономической деятельности увеличились на 0,1 п.п. ВВП к январю-марту 2017 г. до 3,2 п.п. ВВП.

Таблица 2

ПОСТУПЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ НАЛОГОВ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ
В ЯНВАРЕ-МАРТЕ 2017–2018 ГГ.

	Январь-март 2017 г.		Январь-март 2018 г.		Изменение в 2018 г. относительно 2017 г.	
	млрд руб.	% ВВП	млрд руб.	% ВВП	млрд руб.	п.п. ВВП
Налоговые доходы, всего, в том числе:	3361,3	16,4	3819,5	17,1	458,2	0,7
налог на прибыль организаций	147,8	0,7	208,3	0,9	60,5	0,2
НДС на товары, реализуемые на территории РФ	854,8	4,2	954,7	4,3	99,9	0,1
НДС на товары, ввозимые на территорию РФ	421,3	2,1	505,9	2,3	84,6	0,2
акцизы на товары, производимые на территории РФ	273,0	1,3	158,7	0,7	-114,3	-0,6
акцизы на товары, ввозимые на территорию РФ	14,2	0,1	16,8	0,1	2,6	0,0
НДПИ	1016,3	4,9	1262,2	5,6	245,9	0,7
доходы от внешнеэкономической деятельности	633,9	3,1	712,9	3,2	79,0	0,1

Источник: Федеральное казначейство (оперативные данные), расчеты автора.

Существенно сократились в I квартале 2018 г. относительно соответствующего периода 2017 г. поступления акцизов на отечественные товары – на 0,6 п.п. ВВП, или на 114,3 млрд руб., в основном за счет снижения поступлений на табачную продукцию на 127,2 млрд руб.; по импортным акцизам динамика не изменилась.

Динамика кассового исполнения федерального бюджета за I квартал 2018 г. по основным налоговым поступлениям, за исключением

1. Исполнение федерального бюджета за январь-март 2018 года...

акцизов, позитивна. Исполнение бюджета составило: по налогу на прибыль – 25,8%, по внутреннему и импортному НДС – 28,7 и 22,1% соответственно, по вывозным таможенным пошлинам – 24,1%, по внутренним и импортным акцизам – 16,5 и 18,2% соответственно от прогнозируемых годовых объемов.

Расходы федерального бюджета за январь-март 2018 г. сократились на 2,2 п.п. ВВП относительно соответствующего периода 2017 г. (табл. 3) за счет снижения финансирования по разделу «социальная политика» на 2,2 п.п. ВВП, или на 368,0 млрд руб., и по статье «пенсионное обеспечение» – на 419,8 млрд руб. Снижение расходов федерального бюджета на пенсионное обеспечение связано с ростом собственных доходов ПФР, в том числе по страховым взносам на 123,9 млрд руб., и снижением объемов межбюджетных трансфертов на 340,0 млрд руб.

Таблица 3

РАСХОДЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА В ЯНВАРЕ-МАРТЕ 2017–2018 ГГ.

	Январь-март 2017 г.		Январь-март 2018 г.		Изменение, 2018 г. относительно 2017 г.	
	млрд руб.	в % ВВП	млрд руб.	в % ВВП	млрд руб.	в п.п. ВВП
Расходы всего, в том числе:	3 825,5	18,6	3 671,0	16,4	-154,5	-2,2
общегосударственные вопросы	195,1	0,9	243,3	1,1	48,2	0,2
национальная оборона	729,2	3,5	756,3	3,4	27,1	-0,1
национальная безопасность и правоохранительная	372,7	1,8	396,8	1,8	24,1	0,0
национальная экономика	341,6	1,7	356,4	1,6	14,8	-0,1
жилищно-коммунальное хозяйство	16,8	0,1	34,7	0,1	17,9	0,0
охрана окружающей среды	34,8	0,2	27,5	0,1	-7,3	-0,1
образование	135,5	0,7	171,3	0,8	35,8	0,1
культура и кинематография	15,4	0,1	22,1	0,1	6,7	0,0
здравоохранение	61,1	0,3	82,2	0,4	21,1	0,1
социальная политика	1520,7	7,4	1152,7	5,2	-368,0	-2,2
физическая культура и спорт	6,6	0,0	7,0	0,0	0,4	0,0
СМИ	11,4	0,1	13,1	0,1	1,7	0,0
обслуживание государственного долга	192,6	0,9	205,2	0,9	12,6	0,0
межбюджетные трансферты	192,1	0,9	202,4	0,9	10,3	0,0

Источник: Федеральное казначейство (оперативные данные), расчеты автора.

Динамика расходования бюджетных средств за I квартал 2018 г. в сравнении с первыми тремя месяцами предыдущего года согласуется с приоритетами бюджетной политики в части увеличения финансирования по производительным статьям на здравоохранение и образование (рост на 0,1 п.п. ВВП), при сдерживании расходов на оборону (сокращение на 0,1 п.п. ВВП) и правоохранительную деятельность. Увеличение финансирования по разделу «общегосударственные вопросы» на 0,2 п.п. ВВП, или на 48,2 млрд руб. связано с ростом расходов на фундаментальные

и прикладные исследования (на 16,6 млрд руб.), проведение выборов (на 12,9 млрд руб.), международное сотрудничество (на 5,2 млрд руб.), на обеспечение деятельности финансовых, налоговых и таможенных органов и органов финансового надзора (на 5,2 млрд руб.). По остальным разделам расходной части федерального бюджета бюджетные ассигнования за I квартал 2018 г. изменились в пределах 0,1 п.п. ВВП или сохранились на уровне соответствующего периода 2017 г.

Динамика кассового исполнения расходов федерального бюджета по итогам I квартала 2018 г. составила около 21,5%, что на 1,7 п.п. ниже уровня освоения бюджетных лимитов за соответствующий период 2017 г. Наиболее интенсивно в январе-марте текущего года расходовались средства федерального бюджета по статьям: «кинематография» (62,8%), «миграционная политика» (56,6%), «заготовка, переработка, хранение и обеспечение безопасности донорской крови и ее компонентов» (39,2%). Существенное отставание по кассовому исполнению федерального бюджета отмечается по статьям: «другие вопросы в области национальной безопасности и правоохранительной деятельности» (1,5%), «мобилизационная подготовка экономики» (1,7%), «дошкольное образование» (2,5%).

По движению денежных средств федерального бюджета, учитываемых в качестве источников покрытия дефицита бюджета, за период январь-март 2018 г. отмечается следующая динамика:

- объем размещения ценных бумаг на внутреннем рынке составил 472,3 млрд руб., или 32,6% от годовых объемов, при погашенных бумагах на 461,4 млрд руб., или 73,1% от утвержденного годового объема;
- объем размещения государственных ценных бумаг на внешнем рынке составил 229,6 млрд руб. при объеме погашения 175,5 млрд руб.;
- бюджетные кредиты не предоставлялись, в то же время возврат бюджетных кредитов составил всего 3,2% от установленного годового объема в размере 39,6 млрд руб.;
- объем бюджетных кредитов, предоставленных на пополнение остатков средств на счетах бюджетов субъектов РФ, составил 186,5 млрд руб., возврат ранее выданных кредитов региональным бюджетам составил 42,9 млрд руб.

Объем государственного внутреннего долга по итогам I квартала текущего года сократился на 13,9 млрд руб. и на 1 апреля 2018 г. составил 8675,7 млрд руб., в то время как объем государственного внешнего долга вырос на 1565,9 млн долл. до 51393,2 млн долл.

В апреле 2018 г. Минфин России принял решение не проводить аукционы по размещению ОФЗ в связи с возросшей волатильностью на финансовых рынках и с учетом мнения участников долгового рынка. Как предполагает руководство финансового ведомства, ситуация повышенной волатильности не продлится долго¹, а спрос на суверенный долг РФ будет обеспечен за счет российских заемщиков. Тем не менее по результатам аукционов по размещению ОФЗ с 18 апреля по 15 мая текущего года по некоторым категориям ценных бумаг отмечается снижение спроса.

¹ Информация официального сайта Министерства финансов Российской Федерации: <https://www.minfin.ru/ru/press-center/?##ixzz5Fi556jUL>

1. Исполнение федерального бюджета за январь-март 2018 года...

Объем Фонда национального благосостояния за январь-март 2018 г. увеличился на 19,9 млрд руб. за счет курсовой разницы от переоценки средств ФНБ до 3772,8 млрд руб., или 65,9 млрд долл.

В целом динамика основных параметров федерального бюджета по итогам I квартала 2018 г. позитивная, усиления рисков бюджетной устойчивости не отмечается. ●

2. ВНЕШНИЙ ОБОРОТ УСЛУГ В 2017 ГОДУ: ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ РОСТ

А.Кнобель, А.Фиранчук

Российский экспорт услуг в 2017 г. повысился на 14%. Для достижения установленного в Указе президента от 7 мая 2018 г. целевого уровня в 100 млрд долл. в течение 6 лет потребуется ежегодный рост в 9%. Импорт услуг в 2017 г. увеличился на 19%, что обусловлено в первую очередь интенсификацией поездок россиян за рубеж на 30%, что связано со стабилизацией курса рубля и отменой ограничений на авиасообщение с Турцией.

По итогам 2017 г. внешнеторговый оборот услуг увеличился на 17% до 146,7 млрд долл. (в 2016 г. – 125,1 млрд долл.), что несколько уступает темпам роста товарооборота (+25%). В связи с этим доля услуг во внешней торговле России снизилась на 1,0 п.п. до 20,1%.

Если товарооборот возрастал благодаря синхронному увеличению экспорта и импорта¹, то в сфере оборота услуг рост импорта (+19%) незначительно превзошел рост экспорта услуг (+14%).

В географической структуре внешнего оборота услугами произошло увеличение доли стран ЕАЭС за счет Белоруссии и снижение доли СНГ, вызванное продолжающимся четвертый год падением оборота услуг с Украиной. Доля стран АТЭС после резкого роста в 2016 г. скорректировалась из-за снижения доли США. Значительнее всего выросла доля Турции, что связано с отменой ограничений на авиаперелеты.

Динамика экспорта и импорта услуг

Экспорт услуг в 2016 г. стабилизировался после падения, начавшегося в 2014 г. А в 2017 г. произошел восстановительный рост на 14% по сравнению с предыдущим годом (рис. 1). Объем экспорта услуг достиг 57,82 млрд долл., что составляет 82% от докризисного уровня (70,12 млрд долл. в 2013 г.).

Динамика импорта услуг была негативной с III квартала 2014 г. по IV квартал 2016 г. (рис. 2). Однако в течение всех четырех кварталов 2017 г. происходил рост импорта услуг на 15–22% (к соответствующему кварталу предыдущего года). В целом импорт услуг составил 88,91 млрд долл. (+19% к уровню 2016 г.), что все же значительно ниже уровня 2013 г. (128,4 млрд долл.).

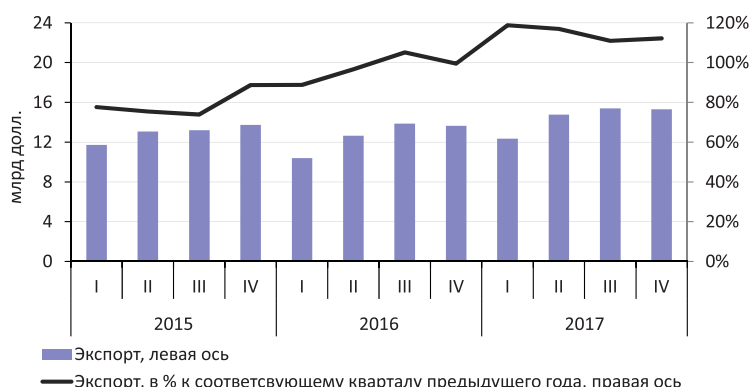

Рис. 1. Динамика экспорта услуг

Источник: расчеты авторов на основе данных Центрального Банка.

1 Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2017 г. // Экономическое развитие России, 2018, № 3 (24). С. 8–17.

2. Внешний оборот услуг в 2017 году: восстановительный рост

Структура импорта и экспорта услуг

Динамика экспорта 5 крупнейших секторов услуг (с долей более 5% от общего экспорта услуг) была положительной. Увеличение экспорта «транспортных услуг» составило 16%, «прочих деловых услуг» – 8%, «поездок» – 15%, телекоммуникационных услуг – 22%, строительных услуг – 34% (табл. 1).

Динамика импорта 6 крупнейших секторов услуг (с долей более 5% от общего импорта услуг) была также положительной, за исключением «телекоммуникационных услуг», импорт которых практически не изменился (-1%) (табл. 1). Из крупных сфер услуг значительнее всего увеличился импорт «поездок» – на 30%. Это связано как с укреплением курса рубля (+15,5%¹), так и с отменой ограничений на

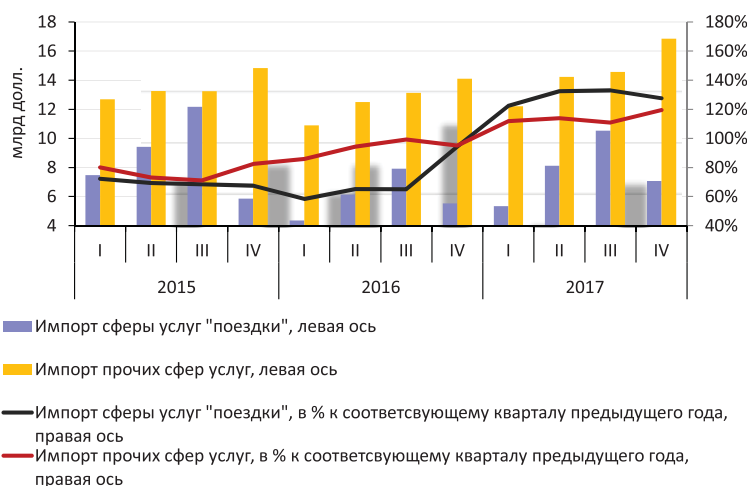

Таблица 1

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ УСЛУГАМИ В СТРУКТУРЕ РАСШИРЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ УСЛУГ

Сфера услуг	Импорт услуг				Экспорт услуг			
	2016 г., млрд. долл.	2017 г., млрд. долл.	изменение, %	доля сферы услуг в 2017 г., %	2016 г., млрд. долл.	2017 г., млрд. долл.	изменение, %	доля сферы услуг в 2017 г., %
Услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам	0,14	0,16	15	0,2	1,61	1,53	-5	2,6
Услуги по техническому обслуживанию и ремонту товаров	1,56	1,78	14	2,0	1,54	1,80	17	3,1
Транспортные услуги	11,80	14,45	22	16,3	17,12	19,81	16	34,3
Поездки	23,95	31,06	30	34,9	7,79	8,95	15	15,5
Строительство	3,77	4,45	18	5,0	3,56	4,77	34	8,2
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	0,97	1,25	29	1,4	0,38	0,36	-5	0,6
Финансовые услуги	2,04	2,24	10	2,5	1,17	1,13	-3	2,0
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	5,00	5,98	20	6,7	0,55	0,74	35	1,3
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	5,39	5,31	-1	6,0	3,94	4,79	22	8,3
Прочие деловые услуги	17,45	19,37	11	21,8	11,65	12,56	8	21,7
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	1,02	1,44	40	1,6	0,42	0,49	17	0,9
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	1,51	1,42	-6	1,6	0,82	0,88	7	1,5
Всего	74,60	88,91	19	100,00	50,55	57,82	14	100,00

Источник: расчеты авторов на основе данных Центрального Банка.

1 Рост индекса номинального эффективного курса рубля в 2017 г., по данным Центрального банка России.

Таблица 2

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ УСЛУГАМИ

Регион/ страна	Импорт услуг				Экспорт услуг				Оборот услуг			
	2016 г., млрд долл.	2017 г., млрд долл.	темп роста, %	Доля региона/страны в 2017 г., %	2016 г., млрд долл.	2017 г., млрд долл.	темп роста, %	Доля региона/страны в 2017 г., %	сальдо в 2017 г., млрд долл.	оборот в 2017 г., млрд долл.	Доля региона/страны в 2017 г., %	изменение доли региона/страны, %
СНГ:	5,26	5,73	109	6,4	6,68	8,07	121	14,0	2,34	13,80	9,4	-0,15
ЕАЭС:	2,86	3,57	125	4,0	3,70	4,33	117	7,5	0,76	7,90	5,4	0,13
Армения	0,25	0,29	114	0,3	0,31	0,37	122	0,6	0,09	0,66	0,5	0,00
Белоруссия	1,66	2,09	125	2,3	1,24	1,59	129	2,8	-0,49	3,68	2,5	0,18
Казахстан	0,70	0,97	138	1,1	1,85	1,98	107	3,4	1,01	2,95	2,0	-0,03
Киргизия	0,24	0,23	93	0,3	0,30	0,38	128	0,7	0,16	0,61	0,4	-0,02
Украина	0,79	0,51	65	0,6	1,25	1,27	101	2,2	0,76	1,8	1,2	-0,42
Услуги, не распределенные по отдельным странам СНГ	0,69	0,75	109	0,8	0,29	0,65	220	1,1	-0,10	1,40	1,0	0,17
ЕС	36,20	41,90	116	47,1	19,74	22,45	114	38,8	-19,45	64,35	43,9	-0,93
АТЭС:	10,43	11,88	114	13,4	7,94	9,03	114	15,6	-2,85	20,92	14,3	-0,45
США	4,02	4,09	102	4,6	3,38	3,57	105	6,2	-0,52	7,66	5,2	-0,71
Китай	2,01	2,37	118	2,7	1,96	2,39	122	4,1	0,02	4,76	3,2	0,06
Южная Корея	0,79	0,87	111	1,0	0,49	0,61	125	1,0	-0,27	1,48	1,0	-0,01
Япония	0,55	0,37	67	0,4	0,42	0,50	118	0,9	0,13	0,87	0,6	-0,19
Прочие страны:												
Турция	2,16	4,92	227	5,5	1,13	1,09	97	1,9	-3,82	6,01	4,1	1,46
Швейцария	2,56	2,97	116	3,3	3,18	3,92	123	6,8	0,95	6,89	4,7	0,10
Египет	0,02	0,03	178	0,0	0,04	0,07	184	0,1	0,04	0,10	0,1	0,02
Услуги, не рас- пределенные по отдельным стра- нам дальнего зарубежья	11,24	13,56	121	15,2	6,50	7,43	114	12,8	-6,13	20,98	14,3	0,09
Всего	74,38	88,91	120	100,0	50,50	57,82	114	100,0	-31,10	146,73	100,0	

Источник: расчеты авторов на основе данных Центрального Банка.

авиасообщение с Турцией – турпоток в эту страну за первые 9 месяцев 2017 г. (по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.) вырос в 8 раз¹.

Географическая структура оборота услуг

Географическая структура внешней торговли услугами России с основными партнерами представлена в табл. 2. Доля ЕАЭС в 2016 г. незначительно возросла, составив 5,4% (+0,13 п.п.), что произошло за счет увеличения доли Белоруссии (+0,18 п.п.).

Снижение доли СНГ (-015 п.п.) связано с продолжающимся четвертый год подряд сокращением оборота услуг с Украиной (-0,43 п.п.). В 2017 г. при стабильном экспорте услуг (+1%) импорт услуг с Украины

2 По данным Ростуризма, в январе-сентябре 2017 г. Турцию посетило 3944 тыс. россиян, по сравнению с 483 тыс. годом ранее.

2. Внешний оборот услуг в 2017 году: восстановительный рост

упал на 35%. За последние годы оборот услуг с Украиной уменьшился в 4 раза – с 6,88 млрд долл. в 2013 г. до 1,79 млрд долл. в 2017 г., а ее доля в 3 раза – с 3,5 до 1,2%. Аналогичное ухудшение экономических связей с Украиной наблюдается и в товарообороте: ее доля снизилась более чем в 2 раза – с 4,7% в 2013 г. до 2,2% в 2017 г.¹

Доля Европейского союза в обороте услуг незначительно снизилась (-0,93 п.п.), что не сказалось на доминирующей роли ЕС – на него приходится почти половина импорта (47%) и более трети экспорта (39%) услуг России. Последние 5 лет доля ЕС во внешнем обороте услуг России колебалась в диапазоне 42,7–44,8%.

Оборот услуг с США немного увеличился (импорт – на 2%, экспорт – на 5%), однако на фоне более динамичного роста оборота услуг с другими странами доля США снизилась до 5,2% (-0,7 п.п.).

Из всех партнеров России динамичнее всего восстанавливался оборот услуг с Турцией – был зафиксирован более чем трехкратный рост импорта услуг из этой страны (+2,8 млрд долл.). Доля Египта сохранилась на практически нулевом уровне, так как авиасообщение с этой страной в 2017 г. восстановлено не было.

Перспективы роста экспорта услуг

В майском Указе президента РФ сформулирована цель по достижению уровня экспорта услуг в 100 млрд долл. к 2024 г. Это означает, что необходим ежегодный рост экспорта в среднем на 9%. Данный показатель даже ниже соответствующего показателя в 2017 г. (14%), хотя необходимо отметить то немаловажное обстоятельство, что рост прошлого года имел восстановительный характер. Удержание же роста экспорта услуг на уровне 9% едва ли возможно, если исходить из равномерного роста всех сфер услуг.

При сравнении структуры экспорта услуг России со структурой экспорта услуг ЕС обнаруживается, что доля транспортных услуг в структуре российского экспорта (34%) в 2 раза выше, чем в структуре экспорта услуг ЕС (17% в 2016 г.). Экспорт транспортных услуг, как правило, согласуется с динамикой товарооборота и пассажиропотока. При этом наращивание объемов услуг такими темпами требует значительных вложений. Кроме того, при 50% доле авиaperевозок в экспорте транспортных услуг рост прошлого года во многом отражает динамику цен на топливо, на которое приходится около четверти расходов авиакомпаний (при текущих ценах)².

Доля услуг «поездки» в экспорте (15%) соответствует аналогичному показателю в структуре экспорта ЕС (14%). Проведение чемпионата мира по футболу в России в этом году, безусловно, положительным образом скажется на динамике экспорта данной сферы услуг. Однако скорее всего положительный эффект будет краткосрочным.

Доля прочих деловых услуг в структуре экспорта (22%) несколько ниже аналогичного показателя у ЕС (27%). Данная сфера услуг является од-

1 Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2017 г. // Экономическое развитие России, 2018, № 3 (24). С. 8–17.

2 В соответствии с методологией Центрального банка под экспортом пассажирских перевозок на практике понимается поступление денежных средств транспортным компаниям-резидентам от реализации билетов за рубежом. Это может приводить к систематической ошибке в оценке экспорта данной сферы услуг.

ной из целевых. Кроме того, доли в российском экспорте двух наиболее технологичных сфер услуг – «телекоммуникационные услуги» (8,3%) и «плата за использование интеллектуальной собственности» (1,3%) – гораздо меньше, чем в экспорте услуг Европейского союза (14 и 7,5% соответственно). При этом в указанных отраслях у России есть безусловный потенциал роста, связанный с большим числом квалифицированных кадров. Кроме того, данные сектора имеют практически неограниченные возможности роста экспорта, так как наименьшим образом связаны с фактическими границами. Важно отметить, что только эти две сферы услуг в 2017 г. превысили объемы экспорта 2013 г.: «телекоммуникационные услуги» – на 15%, «плата за использование интеллектуальной собственности» – на 0,3%.

Таким образом, можно разделить все сферы услуг на *три категории* по уровню возможного (желательного) роста: *консервативные* (рост ниже среднего), *базовые* и *прогрессивные* (рост выше среднего). К консервативным следует отнести финансовые и страховые услуги, рост которых ограничен санкционным режимом, введенным большинством развитых стран, и транспортные услуги, рост которых требует значительных капиталовложений, а резкий подъем прошлого года следует отнести к восстановительному. К наиболее прогрессивным сферам услуг следует отнести телекоммуникационные услуги, плату за пользование интеллектуальной собственностью и прочие деловые услуги. К базовым услугам, со средними темпами роста, можно отнести все остальные сферы услуг. Таким образом, при необходимом среднегодовом росте в 9% экспорта услуг для достижения целевого показателя в 100 млрд долл. через 6 лет необходимо добиваться ежегодного роста в 9% для базовых услуг, 4–5% – для консервативных и 12–15% – для прогрессивных сфер услуг. ●

3. ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С.Цухло

Политика импортозамещения приобрела новые черты. В апреле Минпромторг России подготовил обширный список техники, оборудования и материалов, которые госкомпании с 1 июля не смогут купить за рубежом без согласования с правительственной комиссией по импортозамещению. Как это соотносится с предпочтениями предприятий?

Данная инициатива получила поддержку российских производителей, продукция которых попала в новый документ Минпромторга. Это логично в современных условиях, когда рост спроса возможен в первую очередь со стороны государства и его компаний, а не со стороны частного сектора. Однако и без таких административных мер принуждения к импортозамещению российские промышленные предприятия проявляют (или вынуждены проявлять) высокий интерес к отечественным машинам и оборудованию. В пользу такого вывода говорят результаты двух опросов ИЭП в 2011 и 2018 гг. В ходе этих исследований, проведенных на выходе из двух последних кризисов, предприятиям задавался одинаковый набор вопросов о том, оборудование производства каких стран фактически закупалось в предыдущий период, планируется ли его закупать в ближайшее время и какое именно было бы предпочтительней приобрести.

Рассмотрим сначала, чье оборудование закупала российская промышленность в годы, предшествовавшие двум опросам (рис. 1). Основными поставщиками средств производства для отечественных предприятий всегда были Западная Европа и Россия при небольшом преимуществе импорта. Девальвация рубля декабря 2014 г. и санкционная война 2014–2017 гг. мало повлияли на географию закупок машин и оборудования у основных стран-поставщиков. Западная Европа сохранила первое место в 2018 г. с 71% уровнем популярности у российской промышленности по сравнению с 77% в 2011 г. Отечественные же производители машин и оборудования практически не смогли обрести новых покупателей на территории своей страны.

Среди стран-поставщиков второго эшелона произошли более существенные изменения. Доля российских предприятий, закупавших американское и японское оборудование, сократилась между двумя опросами с 33 до 22%, что все-таки не так существенно, как можно было ожидать в условиях девальвации национальной валюты и

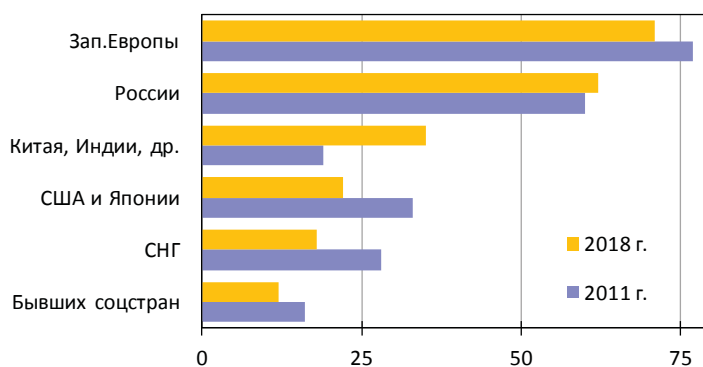

Рис. 1. Какое оборудование фактически закупала российская промышленность, 2011 и 2018 гг., %

административных запретов на поставки/закупки оборудования. Поставщики оборудования из Китая и Индии, наоборот, оказались в выигрыше от санкционной войны. Они смогли добиться продаж своей продукции уже 35% российских промышленных предприятий по сравнению с 19% семью годами ранее. Снижение доли закупок машин и оборудования, произведенных в странах СНГ, объясняется в большой мере свертыванием торговли между Россией и Украиной.

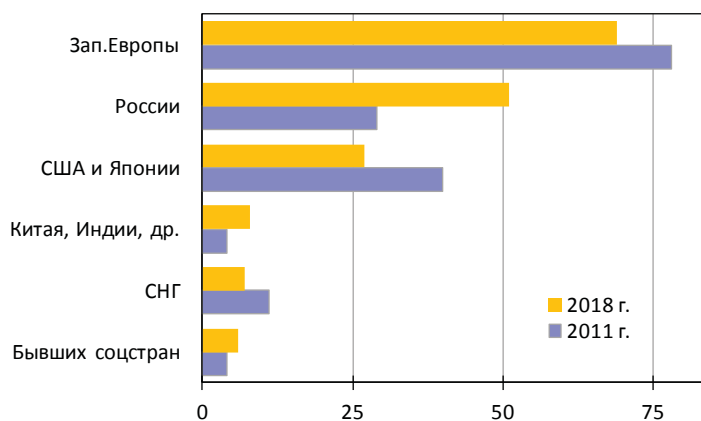

Рис. 2. Какое оборудование предпочитала закупать российская промышленность, 2011 и 2018 гг., %

Рассмотрим инвестиционные предпочтения российских предприятий, т.е. какое оборудование отечественная промышленность хотела бы покупать в 2011 и 2018 гг. Как показывает график на рис. 2, предпочтения отечественных предприятий претерпели за истекшие семь лет явные изменения. Во-первых, предпочтительность (распространенность предпочтений) российского оборудования вышла на 2-е место в рейтинге 2018 г. Сейчас уже половина российской промышленности предпочитает покупать отечественное оборудование. Во-вторых, самые значительные потери (с 40% предпочтений до 27%) в представлении российских предприятий в 2018 г. понесли производители США и Японии, откатившиеся на 3-е место. В-третьих, машины и оборудование западноевропейского производства остаются самыми предпочтительными для отечественных предприятий – даже после ослабления рубля и многолетних санкций: 69% российских предприятий хотели бы приобрести машины и оборудование из Западной Европы. В-четвертых, оборудование из Китая и Индии не является предпочтительным для российских предприятий. Максимум, которого смогли добиться производители из этих стран в предпочтениях российских покупателей, составляет 8% и находится на одном уровне с предпочтениями оборудования из стран СНГ. Последнее утратило несколько пунктов предпочтительности к 2018 г. вследствие, скорее всего, разрыва экономических связей России и Украины в предыдущие годы.

Рассмотрим теперь инвестиционные планы российской промышленности – машины и оборудование каких стран реально планируется закупать в ближайшие годы и какое оборудование планировали закупать отечественные предприятия в 2011 г. Ответы на эти вопросы показывают принципиальное изменение намерений российской промышленности (рис. 3). Если в 2011 г. в планах западноевропейское оборудование уверенно обгоняло российское (первое собирались приобретать 72% предприятий против 50% предприятий, намеренных покупать российское), то к 2018 г. показатели сравнялись (приобретение и того, и другого оборудования входило в планы 65% предприятий). Таким образом, политика инвестиционного импортозамещения имеет успех. По крайней мере, в количественном аспекте.

Частичный ответ на вопрос о качестве замещенного западноевропейского оборудования дают данные об увеличении доли предприятий,

3. Импортозамещение: инвестиционные предпочтения промышленности

в планы которых входит закупка оборудования производства Китая и Индии. Она возросла в два раза и является, скорее, признаком перехода на более дешевое, доступное, хотя и менее качественное оборудование. И на уровне предприятий указанное обстоятельство прекрасно осознается. Если сравнить предпочтения и планы предприятий 2018 г., то планы закупок оборудования из Китая и Индии значительно превосходят предпочтения предприятий: 35 против 8%.

Российская промышленность, таким образом, вынуждена сейчас в силу сложившихся обстоятельств переходить на не самое лучшее оборудование. В 2011 г. похожее явление тоже имело место, но было менее масштабным: о планах закупок китайского и индийского оборудования сообщали тогда 18% предприятий при желании его иметь только у 4% предприятий. Аналогичная ситуация складывается и в отношении российского оборудования. Его хотели бы закупать около половины российских предприятий, но планируют (вынуждены будут) это делать в последующие годы 65% предприятий. ●

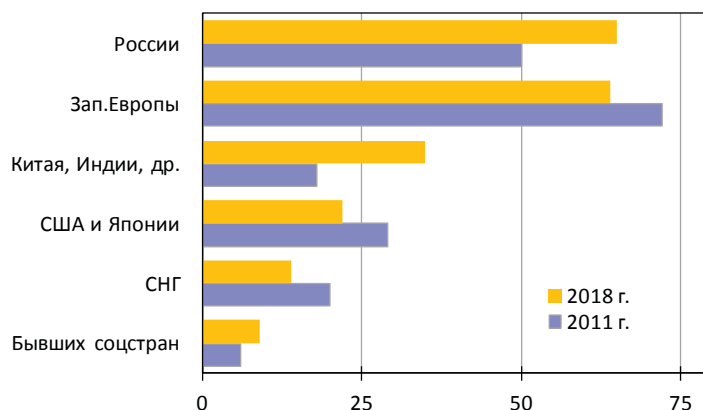

Рис. 3. Какое оборудование планировала закупить российская промышленность, 2011 и 2018 гг., %

4. ГОСПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 2017 ГОДУ: КУДА УШЛИ ДЕНЬГИ?

В.Узун

Постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. утвержден Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2017 г. Государственной программы развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг.¹. Не все выводы доклада представляются обоснованными. Кроме того некоторые критерии поддержки агропредприятий и крестьянских хозяйств не были четкими и прозрачными.

Успехи в развитии сельского хозяйства

Национальный доклад о результатах реализации Госпрограммы в 2017 г. получился весьма оптимистичным. Основные намеченные показатели достигнуты. Производство агропродукции в хозяйствах всех категорий выросло на 2,4% по сравнению с 2016 г. Рост наблюдался и в растениеводстве, и животноводстве. Инвестиции в основной капитал выросло на 3,1%, рентабельность сельскохозяйственных организаций с учетом субсидий составила 14,3%, производительность труда увеличилась на 4,4%. Пороговые значения показателей Доктрины продовольственной безопасности превышены по всем основным продуктам, кроме молока и соли. По молоку и молокопродуктам удельный вес отечественной продукции составил 82,4%, что выше уровня 2016 г., но ниже порогового значения (90%).

Главными драйверами роста стало производство зерна, масличных, сахара, мяса птицы и свинины. В 2017 г. получен рекордный урожай зерна – 135,4 млн т, что выше уровня 2016 г. на 12,2%. Россия упрочила свои позиции на мировом рынке зерна, увеличив за год его экспорт до 43 млн т. Валовой сбор сахарной свеклы вырос до 51,9 млн т, что на 13,4 млн т больше целевого индикатора Госпрограммы. Это позволило обеспечить не только внутренние потребности, но и экспортировать более 0,5 млн т сахара и 1,8 млн т побочных продуктов (жома и меласса). Рост производства масличных культур обеспечил увеличение на 25,9% экспорта растительных масел – до 3,2 млн т.

Превышены индикаторы Госпрограммы по производству мяса, в основном за счет быстрых темпов роста в свиноводстве (5%) и птицеводстве (6,9%) за год. Такие высокие темпы роста сохранялись в этих отраслях все последние годы. Это позволило заместить основную часть импорта, повысить потребление на душу населения, сделать первые шаги по выходу на мировые рынки.

Проблемные отрасли

Не во всех отраслях сельского хозяйства сложилась столь радужная картина, как в рассмотренных выше. В молочном и мясном скотоводстве, плодоводстве, картофелеводстве, овощеводстве, где основным произ-

¹ Национальный доклад (на 7 мая 2018 г.) <http://mcx.ru/upload/iblock/f6a/f6a926309485f5008245b3dda0a9d611.pdf>

4. Госпрограмма развития сельского хозяйства в 2017 году: куда ушли деньги?

водителем является деградирующий сектор личных подсобных хозяйств выполнить индикаторы Госпрограммы гораздо сложнее. Однако в Нацдокладе вместо глубокого критического анализа проблем развития этих отраслей ограничились традиционными ссылками на погоду, задержку с подготовкой нормативно-правовой документации и сравнениями с подкорректированными плановыми показателями.

Приведем соответствующие выдержки по двум отраслям. «В 2017 году валовой сбор картофеля во всех категориях хозяйств составил 29,6 млн т, что на 4,9% ниже показателя 2016 года. Основной причиной снижения производства послужили сложные погодные условия, повлиявшие весной 2017 года на ход посевной кампании и сдвинувшие сроки в среднем на 2–3 недели». Аналогичный вывод – по плодам и ягодам.

В Госпрограмме для борьбы с негативными экономическими последствиями погоды предусмотрена государственная поддержка страхования от неурожая. Она оказалась полностью проваленной. В 2017 г. было застраховано только 1,8 млн га посевов и посадок, т.е. 1,7% площадей. Такой низкий процент в 2017 г. объяснен «поздним утверждением нормативных правовых актов». При этом из приводимых данных видно, что проблема существует давно, она возникла не в 2017 г.

Еще более странно выглядит анализ выполнения заданий Госпрограммы по производству молока. Известно, что поголовье молочных коров в стране падает, а производство по сравнению с 1990 г. упало почти вдвое, и в последние годы стагнирует на этом самом низком уровне. Однако в Докладе утверждается, что целевой индикатор Госпрограммы по этому показателю выполнен на 100,1%. Этому показателю читатель мог бы поверить, если бы не приведенный *рис. 1*, который авторы Доклада предлагают в качестве доказательства.

Из него видно, что задание выполнено только за 2017 г., а в предыдущие годы не выполнялось. На самом деле ситуация была примерно одинаковой, а различия объясняются лишь выбором планового показателя: за 2013–2016 гг. плановые индикаторы приведены по первоначальной Госпрограмме, утвержденной в 2012 г., а за 2017 г. – скорректированный показатель. Если использовать первоначальное задание по объемам производства молока – 35,15 млн т, то в 2017 г. индикатор окажется достигнутым не на 100,1%, а всего лишь на 88%.

Какова отдача 248 млрд руб. субсидий

В 2017 г. на осуществление Госпрограммы было выделено из федерального бюджета 248,4 млрд руб. Из бюджетов субъектов РФ на поддержку сельского хозяйства в предыдущие годы выделялось еще около 120 млрд руб. в год. Однако в Докладе проанализировано исполь-

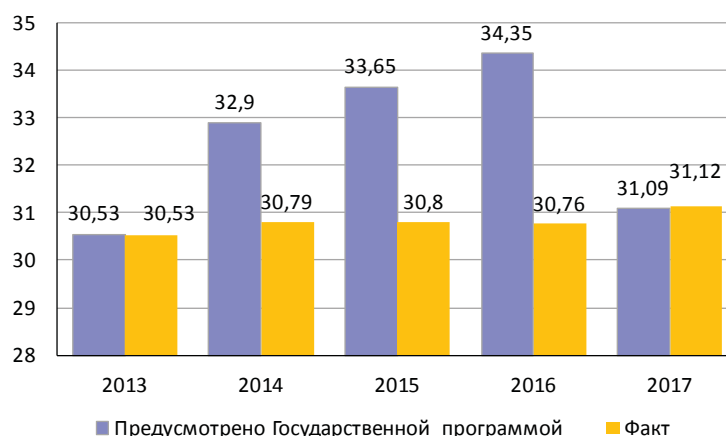

Рис. 1. Динамика выполнения показателя «Производство молока в хозяйствах всех категорий», млн т

Источник: С. 74 Доклада.

зование только федеральных средств, суммы региональных расходов не приведены, они упоминаются лишь при рассмотрении некоторых мероприятий. Часть выделенных средств (14,6 млрд руб.) не была использована. В качестве причин неисполнения в Докладе названы несвоевременное представление субъектами РФ необходимых для получения субсидий документов. Однако никаких предложений по исправлению ситуации нет.

На финансирование мероприятий Госпрограммы в 2017 г. использовано 233,8 млрд руб. федеральных средств. 39,5 млрд руб. ушло на поддержку несельскохозяйственных отраслей. Кроме того, 61,4 млрд руб. направлено на обеспечение условий функционирования сельского хозяйства (в том числе на подпрограмму «Управление реализацией Государственной программы» 28,2 млрд руб.). Оставшиеся 132,8 млрд руб. федеральных средств были использованы на мероприятия, в осуществлении которых принимали участие непосредственно сельхозпроизводители. Эти средства были распределены между получателями следующим образом.

На поддержку малых форм хозяйствования в 2017 г. было направлено 10,3 млрд руб. Средства были использованы на поддержку начинающих фермеров (3,8 млрд руб.), развитие семейных животноводческих ферм (3,7 млрд), потребительских кооперативов (1,5 млрд) и возмещение процентной ставки по кредитам (1,3 млрд). По первым трем направлениям в 2017 г. наблюдался рост по сравнению с предыдущими годами, а по субсидированию кредитов, несмотря на директивно определенную долю малых форм хозяйствования не менее 20%¹, суммы субсидий в последние годы катастрофически упали (рис. 2). Малый бизнес в 2017 г. получил почти в 5 раз меньше субсидий, чем в 2015 г. Его доля в этих субсидиях составляла около 2% и была в 10 раз меньше установленной правительством. Малый бизнес фактически отлучили от субсидируемых кредитов, хотя доля крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) в валовой продукции сельского хозяйства в 2017 г. достигла почти 13%.

Невыполнение Постановления Правительства объяснено «непоступлением реестров потенциальных заемщиков от уполномоченных банков в Минсельхоз России и несвоевременным заключением кредитных договоров с уполномоченными банками по одобренным Минсельхозом России».

По принятым правилам между всеми претендентами распределены субсидии на оказание несвязанной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей в области растениеводства (по нормам на 1 га) – 11,3 млрд руб. и на повышение продуктивности в молочном скотоводстве (на 1 л молока) – 8,1 млрд руб. Основные деньги по остальным субсидиям

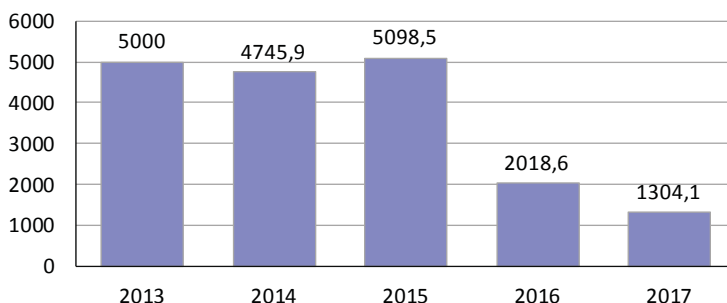

Рис. 2. Возмещение части процентной ставки по долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным кредитам, взятым малыми формами хозяйствования, млн руб.

Источник: С. 118 Доклада.

1 Постановление Правительства РФ № 358 от 27 декабря 2016 г.

4. Госпрограмма развития сельского хозяйства в 2017 году: куда ушли деньги?

получили агрохолдинги и другие крупнейшие сельскохозяйственные организации. Наглядной иллюстрацией является распределение субсидий по части фактически осуществленных инвестиций. Получателям средств компенсируется от 20 до 35% затрат на создание (модернизацию) объектов АПК. В 2017 г. в рамках оказания рассматриваемой меры государственной поддержки из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации были выделены ассигнования в размере 15,5 млрд руб. Всего в отчетном году Минсельхозом отобрано и профинансировано 192 инвестиционных проекта (остальные 20 тыс. хозяйств ничего на получили). И среди 192 получателей средства распределились очень неравномерно. Например, ООО «Овощи Ставрополя» получили более 1 млрд руб., а большинство отобранных претендентов получало в десятки или даже в сотни раз меньше.

Наибольшая сумма средств из бюджета расходуется на субсидирование кредитов (58,4 млрд руб.). На отдельные крупнейшие проекты из бюджета выделялось по 10 млрд руб. и более субсидий. Вполне очевидно, что при этом остальные претенденты не получили ничего или очень незначительные суммы господдержки. Следует отметить, что тенденция выдачи крупных сумм субсидий одному лицу прослеживается не только в секторе сельхозобъединений (СХО), но и в КФХ.

В Нацдокладе показано, как росли за последние годы средние размеры грантов фермерам. В ряде случаев они составляют 20–30 млн руб. одному получателю. В то же время отмечается, что «конкурс на получение гранта составляет 3 фермера на один грант, в отдельных регионах – до 10 фермеров на один грант». Чиновникам всегда легче выдать крупную субсидию одному, чем работать с большим количеством мелких получателей.

Судя по Докладу, в 2017 г. странным образом осуществлялось регулирование рынка зерна. Несмотря на рекордный объем производства зерна и падение закупочных цен (в среднем за год на 11,4%, в период уборки падение было значительно больше), «закупочные интервенции в 2017 году не осуществлялись». Вместо помощи в стабилизации цен осуществлялась реализация зерна интервенционного фонда, что вело к спаду цен. В Нацдокладе эти странные действия объяснены опасением, что «в условиях рекордного урожая дальнейшее накопление запасов интервенционного фонда могло привести к увеличению расходов федерального бюджета».

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Кнобель А., заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара, заведующий лабораторией исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Тищенко Т., старший научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики ИПЭИ РАНХиГС

Узун В., главный научный сотрудник лаборатории аграрной политики Института Гайдара, главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС

Фиранчук А., старший научный сотрудник лаборатории исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара